

УДК 351.74

А. А. Умаров

преподаватель кафедры русского языка и литературы
Термезского государственного университета
Республики Узбекистан

ПРИМЕНЕНИЕ АГОНАЛЬНОЙ РИТОРИКИ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ МЕТОДЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Современные требования новых образовательных стандартов фактически обязуют вузовского преподавателя во время экзаменов оценивать не только содержание ответов студента, но и его языковую компетентность. В процессе ее формирования педагог традиционно опирается на два типа античной риторики: орнаментальную (риторика Аристотеля), целью которой являлось создание руководства для правильного использования в ораторской речи поэтических тропов, и агональную (происходит от древнегреческого слова «агон», что означает «спор», «борьба», «состяжание»), активно используемую в дискурсивной практике софистов, где вместо изобретения новых способов украшения речи ритор ставит перед собой совершенно иную задачу — скрыто внедриться в сознание пациента и воздействовать на его мнение изнутри.

Применительно к современности, если посмотреть на дискурсивные практики российского телевидения, то можно увидеть, как в нем агональная риторика вытесняет орнаментальную и последняя как фундаментальная основа культуры речи начинает постепенно сдавать свои позиции. А это значит, что нацеленным на повышение классической языковой компетентности учащихся педагогам все труднее осуществлять образовательный процесс, поскольку в отличие от советского и дореволюционного периодов становления российской культуры ее современный этап не поддерживает орнаментальную нормативность нарратива, а, напротив, всячески ее разрушает агональными пиар-технологиями.

A. A. Umarov

Application of agonal rhetoric in the audiovisual method of teaching the russian language

Modern requirements of new educational standards actually oblige a university lecturer to evaluate not only the content of the student's answers, but also his language competence during exams. In the process of its formation, the teacher traditionally relies on two types of ancient rhetoric: ornamental (Aristotle's rhetoric), the purpose of which was to create a guide for the correct use of poetic tropes in oratory, and «agonal» (derived from the ancient Greek word «agon», which means dispute, struggle, competition), actively used in the discursive practice of the sophists, where instead of inventing new ways to decorate speech, the rhetor sets himself a completely different task – to secretly infiltrate the patient's mind and influence his opinion from the inside.

In relation to the present, if you look at the discursive practices of Russian television, you can see how the agonal rhetoric displaces the ornamental rhetoric and the latter, as the fundamental basis of the culture of speech, begins to gradually lose ground. And this means that it is increasingly difficult for teachers aimed at improving the classical language competence of students to carry out the educational process, since, unlike the Soviet and pre-revolutionary periods of the formation of Russian culture, its modern stage does not support the ornamental normativity of the narrative, but, on the contrary, destroys it in every possible way with agonal PR-technologies.

Актуальность изучения нарративных аспектов педагогической деятельности обусловлена тем, что современные требования новых образовательных стандартов фактически обязуют вузовского преподавателя во время экзаменов оценивать не только содержание ответов студента, но и его языковую компетентность. Иначе говоря, умение формулировать самостоятельный взгляд на изучаемую проблемную ситуацию должно сочетаться с персональным риторическим мастерством, без изучения которого сама конечная цель образовательной политики оказывается не в полной мере достигнутой.

При этом надо понимать, что современный учащийся сталкивается с двумя официальными источниками речевых практик (нарративов): речью университетских преподавателей и риторикой средств массовой информации. Все остальные формы живого общения со своими ровесниками или заменяемые его тексты в социальных сетях являются неофициальными.

Традиционно языковое мышление изучалось в российской филологии либо с содержательных (нравственно-этических, философских, социокультурных) позиций, либо с точки зрения различных форм организации дискурсивной практики. Последняя же преимущественно затрагивала лишь орнаментальную риторику литературной речи, не касаясь при этом агональной коммуникации. Под понятием «орнаментальная риторика» мы имеем в виду риторику Аристотеля, целью которой являлось создание руководства для правильного использования в ораторской речи поэтических тропов, метафор, синекдох и т. д. В противоположность этой тенденции агональная риторика (понятие происходит от древнегреческого слова «агон», что означает «спор», «борьба», «состяжание») активно использовалась в дискурсивной практике софистов, которые вместо изобретения новых способов украшения речи ставили перед собой совершенно иную задачу — скрыто внедриться в сознание пациента и воздействовать на его мнение изнутри. К тому же, если основополагающим принципом философской риторики Аристотеля служило бескорыстное служение истине, то софисты ориентировались на краткосрочный эффект победы в споре, итогом которой становилась либо материальная выгода (судебные речи), либо политическая власть (предвыборные прения кандидатов).

В современном мире доминирования информационных технологий язык не просто определяет мышление потребителя информационного продукта (так называемого реципиента), но и влияет на то, что аналитический дискурс, рассматривающий ту или иную проблемную ситуацию в сложившемся культурном контексте эпохи, сам прежде всего этот контекст формирует. Причем здесь важен даже не сам материал, из которого «строятся» интерпретативные суждения, а результат их воздействия на общественное мнение. На первый план выдвигается создание контекста культуры, символическая форма ее представления в языковом сознании реципиента.

Таким образом, человек пробивается к смыслу высказываемого ему текста (посредством электронно-телевизионных средств массовой информации), проходя через концептуальные и стилистические структуры самого текста и через запутанную сеть оценочных и интерпретативных суждений, каждое из которых ведет нескончаемую борьбу за сознание своего потребителя. Интенсивность этой борьбы определяется задачами аналитика, его стремлением обрести бессмертие либо за счет своей личной славы, рожденной из усилия преодоления оказанного на него воздействия со стороны других авторских текстов, а также попыток оказания на них ответного влияния, либо из стремления индивидуального довершения незаконченных концептуальных подходов (журналист ищет свою версию по трактовке реальных событий в «деле Скрипалей», убийстве Б. Немцова и т. д.). В конечном счете усиление конкуренции телеканалов, нередко перетекающее в область информационной войны (RT против CNN и BBC), определяет склонность интерпретатора к использованию в своем творчестве некоторых весьма эффективных приемов из области агональной риторики, с помощью которой он пытается утвердить себя перед зрительской аудиторией.

Активное использование последней уже имело место в истории русской культуры XIX века и продолжается по сей день. Так, например, читая третью статью В. Белинского, посвященную роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», мы можем обнаружить довольно-таки странный для этого социально ангажированного критика способ организации его дискурсивной практики [1]. В ней знаменитый российский журналист часто использует чужое слово с тем, чтобы подвести конкурирующую логику к абсурдной ситуации ее собственного саморазоблачения перед сознанием читательской аудитории.

Те же приемы использовали Д. Писарев и П. Ткачев — знаменитые журналисты того времени. Так, например, в публицистической статье «Разрушение эстетики» ее автор пишет: «...чтобы действительно опрокинуть вредную систему старых заблуждений, надо приниматься за дело осторожно и расчетливо. Если сказать обществу прямо: “Бросьте вы эти глупости, у вас есть дела гораздо поважнее и поинтереснее,” — то общество изумится, испугается вашей

дерзости, не поверит вам и примет ваш разумный совет за гаерскую выходку. Поэтому надо говорить с обществом в том тоне, к которому оно привыкло. Надо говорить так: "... вы, господа, уважаете эстетику. Ах, и я тоже уважаю эстетику. Займемся же вместе эстетическими исследованиями". Привлекши к себе таким образом сердце доверчивого читателя, лукавый последователь новой идеи, конечно, займется своими эстетическими исследованиями также успешно, что разобьет всю эстетику на мелкие кусочки, потом все эти мелкие кусочки превратит поодиночке в мельчайший порошок и, наконец, развеет этот порошок на все четыре стороны» [2, с. 419].

То есть автор использует один из тех психологических приемов агональной коммуникации, что предусматривают попытку скрытого подсознательного воздействия на читателя. В своем творчестве В. Белинский применяет такие несвойственные орнаментальной риторике приемы, как мышление парадоксами, подающее обычное в форме необычного, а также активно включает сюда еще и суггестию, работу со словарем пациента и коннотативную антонимию. Кроме того, П. Ткачев в статье «Мужик в салонах русской беллетристики» [3, с. 422] применял другое правило агонального дискурса: агональный ритор должен знать, какому чужому влиянию был подвержен пациент, и по возможности использовать его в своих целях.

Применительно к современности, если посмотреть на дискурсивные практики российского телевидения, то можно увидеть, как в нем агональная риторика вытесняет орнаментальную и последняя как фундаментальная основа культуры речи начинает постепенно сдавать свои позиции.

Деградация культуры слова затрагивает и популярную программу «Время», бывшую в советские времена эталоном не просто правильно построенной стилистики, но и орфоэпии (науки о нормативном произношении слов) русского языка. В 2000-е годы данная новостная передача перешла к нарративной практике композиционного рассечения своей ранее целостной структуры, включая посередине новостной ленты авторские комментарии М. Леонтьева «Однако». Этот совершенно другой и стилистически некогерентный новостному формату микрожанр крайне субъективной и бездоказательной псевдоаналитики подан в совершенно инаковой эмоционально-суггестивной языковой форме, относящейся более к агональной, чем к орнаментальной риторике. Таким образом, начала нарушаться не только жанровая целостность передачи, но и ее психологическая рецептивная установка: вместо дискрептивного дискурса, отображающего объективное течение событий и присущего официальному диктору, новостной ведущий на телеэкране начинает излагать субъективную точку зрения, чем сбивает психологический настрой рецепции на неофициальность.

Если в советскую эпоху публичные выступления таких прославленных дикторов телевидения, как И. Кириллов, А. Шатилова, В. Балашов и Т. Миткова, были воплощением риторических орнаментальных норм, как по произношению, так и по стилю речи, то сейчас у современных дикторов эта норма безвозвратно утрачена. Более того, учитывая тот детерминальный факт, что «популярное искусство само создает публику» (К. Маркс), создается анти-нормативный медиаконтекст. В этом плане мы наблюдаем полный провал в области профессионализма как телережиссуры, так и сценаристики.

А это значит, что нацеленным на повышение языковой компетентности учащихся педагогам все труднее осуществлять образовательный процесс, поскольку в отличие от советского и дореволюционного периодов становления российской культуры ее современный этап не поддерживает орнаментальную нормативность нарратива, а, напротив, всячески ее разрушает агональными пиар-технологиями. Ибо в тотальной информационной войне телеканалов риторика софистов оказывается более действенным средством государственной и коммерческо-товарной пропаганды, нежели риторика Аристотеля.

Последняя поддерживается только классическим университетским образованием, ставшим последней опорой орнаментального дискурса как почти единственного культуuroобразующего механизма распространения правильности русской речи. Вместе с тем значительные перегибы в технократизации и компьютеризации высшей школы неизбежно приводят к тому, что преподаватель из учителя (человека, способного объяснить излагаемый материал и обеспечить его понимание) превращается в обезличенный инструмент проверки объективного знания, получаемого из самых разных источников информации, в том числе через систему Интернет и многоканальное спутниковое телевидение.

Задаваемые свыше методологические установки на тотальную интерактивность трансформируют языковые жанры образовательных технологий. И хотя на сегодняшний день лекционная форма изложения материала все пока еще остается последним оплотом классической орнаментальной риторики как главного источника формирования языковой компетентности студента, в последнее время в российской педагогике доминирует не совсем верное и фактически ничем не обоснованное стереотипное представление о том, что любая новая образовательная методика преподавания научной дисциплины, именно по причине своего тяготения к новизне, обязательно должна быть чем-то композиционно и жанрово неклассическим и антинормативным. «В связи с расширением и углублением содержания лекций изменяется и методика их проведения. Внедряются в учебный процесс лекции-диалоги, лекции-обозрения, лекции — деловые игры» [4, с. 91]. Во время них учащиеся «заняты не механическим конспектированием, а находятся в постоянном напряжении мысли; размышляют

вместе с преподавателем, логически связывая изученный материал с новым... Акцент при данной работе делается не столько на запоминании педагогических понятий, сколько на формировании собственных суждений... Это достигается тем, что основные категории <...> “выводятся” на занятиях вместе с обучающимися при анализе различных подходов к тому или иному понятию» [4, с. 91].

Диалогового режима начинают требовать не только от семинарских занятий, но и от лекционных занятий, которые, непонятно на каком основании должны почему-то включать игровые методики. При этом напрочь забывается, что лекция и семинар — это не просто разные формы подачи информации, но и разные языковые практики общения с людьми. Можно, конечно, с организационной точки зрения путем системной профанации образования попытаться превратить научную академию в детский сад, но качество знаний учащихся от этого не повысится, а их языковая компетенция — тем более.

Вместе с тем мы не отрицаем саму возможность использования внутри лекционного жанра моментов эвристической беседы, практикующей наводящие вопросы к студенческой аудитории в отношении поставленных дидактических проблем. Однако ее применение должно быть крайне взвешенным, стилистически выверенным и ограниченным и не нарушать целостности и композиционных особенностей языкового жанра. Бесконтрольное и неудержимое развитие агональной риторики не должно подавлять риторику орнаментальную, нивелировать ее культуuroобразующую и нормотворческую функции.

Дело в том, что сама по себе агональная риторика не укладывается в современные прогрессивные представления об эффективных педагогических технологиях, поскольку в них: «... собственная позиция лектора... предлагается обучающимся не как догма, а как мнение самого преподавателя, который убежден в правильности своих суждений, готов отстаивать их, действовать в соответствии с ними, однако не навязывает их другим людям» [4, с. 91]. Вспомним, что исторически еще со времен античности агональный ритор именно навязывал свое мнение толпе, а в дальнейшем западноевропейские пиар-технологии создали из этого целую науку о скрытом влиянии на сознание пациента. В этом плане агональный дискурс несколько противоречит психологическим задачам организации современного педагогического процесса, хотя очень немногие преподаватели понимают этот очень важный методологический нюанс.

Применение агональной риторики крайне важно для системы РКИ при использовании проблемных методов организации эвристической беседы с учащимися. Кроме того, ее формы начинают проникать в тестовые системы сертификационных экзаменов ТРКИ С1, где в субтесте «говорение» в ответе на заданный вопрос требуется выражать несогласие с позицией коммуниканта и отстаивать в противоположность ей собственное мнение.

Выводы проведенного нами исследования отражены в виде таблицы:

Риторический дискурс	Орнаментальная риторика	Агональная риторика
Принципы психологического воздействия	Открытое воздействие на разум реципиента	Скрытое воздействие на подсознание реципиента
Цели	Бескорыстная передача истинного знания	Победа в конкурентной борьбе за влияние на сознание
Средства художественной речи	Художественные тропы, метафоры, синекдохи и т. д.	Суггестия, коннотативная антиномия, работа со словарем пациента, нейролингвистическое программирование
Положение в современной образовательной среде	Вытесняется из образовательного пространства	Доминирует в образовательном пространстве
Формы реализации в педагогической деятельности	Классическая лекция	Семинарские занятия по игровым методикам, лекция-диалог с моментами эвристической беседы

1. Белинский В. «Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова. Издание третье. С.- Петербург. В типографии Глазунова. 1843. В 12-ю д.л. // М. Ю. Лермонтов в русской критике. М., 1951. [Вернуться к статье](#)

2. Писарев Д. Разрушение эстетики // Сочинения : в 4 т. Т. 3. М. 1955. [Вернуться к статье](#)

3. Ткачев П. Мужик в салонах современной беллетристики // Русская критика 18–19 веков. М. 1978. [Вернуться к статье](#)

4. Вотинин А. Формирование учебной мотивации курсантов ФСИН России в условиях компетентностного подхода к организации образовательного процесса // Вестн. Самар. юрид. ин-та. № 5 (31). 2018. С. 89–93. [Вернуться к статье](#)